

УДК 821.161.1 – 6.09
ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА
(Полтава)

ПРИЁМ АВТОКОММЕНТАРИЯ В ОЧЕРКЕ ГОГОЛЯ «ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ ПО ПОВОДУ ”МЕРТВЫХ ДУШ”»

Ключові слова: поема, автор, автокоментар, адресат, нарис, епістолярний стиль.

В своём творчестве Гоголь неоднократно прибегал к приёму авторского комментария. Более того, комментирование, истолкование своих замыслов было для него насущной потребностью. Об этом свидетельствуют его работы, посвященные пьесе «Ревизор», в частности, «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора”» и «Театральный разъезд после представления новой комедии». В «Авторской исповеди» писатель также использует приём автокомментирования, разъясняя причину появления «Выбранных мест из переписки с друзьями» и некоторые важные особенности книги. Специфика использования данного приёма в творчестве Гоголя изучена недостаточно, поэтому избранная для анализа проблема представляется актуальной.

В структуре сборника «Выбранные места из переписки с друзьями» важную роль играет глава «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», поскольку она посвящена одному из ключевых произведений в творчестве писателя. Её название нацеливает читателя на то, что главным объектом авторских рассуждений будет гоголевская поэма. Действительно, в основу построения рассматриваемой главы положен принцип герменевтического комментария первого тома «Мертвых душ», а также разъяснение замысла второго тома. Однако предмет авторских рассуждений в «Четырёх письмах...» значительно шире. Указанная глава, на первый взгляд, имеет самостоятельный характер. Четыре раздела, из которых она состоит, объединены одной темой, связанной с гоголевской поэмой. Написаны эти разделы в эпистолярном стиле, на что указывает и содержащееся в них обращение к адресату (в данном случае имена адресатов до сих пор не установлены). Однако было бы ошибочно рассматривать эту главу без учёта её связи с другими частями «Выбранных мест». По своей проблематике, стилистике «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» органически вписываются в состав книги. Это мы и попытаемся доказать в данной работе, сосредоточив внимание на том, какую роль в указанных фрагментах текста играют элементы исповеди и проповеди, проблемы добра и зла, а также проблемы нравственного самоусовершенствования. Кроме того, все автокомментарии Гоголя, как справедливо указывает С.А.Гончаров, «направлены к тому, чтобы возвести читателя через буквальный смысл к смыслу духовному, преодолевая издержки поверхностного чтения» [3, с.666].

Первое из четырёх писем связано с критическими отзывами на гоголевскую поэму. Обращаясь к неизвестному адресату («Вы напрасно негодуете на неумеренный тон некоторых нападений на «Мертвые души»»), автор неожиданно заявляет, что критика «имеет свою хорошую сторону» и высказывает парадоксальную мысль: «Иногда нужно иметь противу себя озлобленных» [1, с.240].

В рассматриваемом письме писатель смиренно принимает критические замечания, считая, что «в критиках Булгарина, Сенковского и Полевого есть много справедливого, начиная даже с данного мне совета поучиться прежде русской грамоте, а потом уже писать» [1, с.240]. В данном случае содержится намёк на материалы, опубликованные в «Северной пчеле», издаваемой Ф.Булгариным, в частности, на рецензию Н.Греча на «Мертвые души», а также на рецензию О.Сенковского и Н.Полевого, напечатанную в «Библиотеке для чтения». Обнажая, распахивая душу перед читателем, автор критикует свою поэму, отмечая не только её достоинства, но и недостатки: «Мертвые души произвели много шума, много ропота, задели за живое многих и насмешкой, и правдой и карикатурой; коснулись порядка вещей, который у нас у всех ежедневно перед глазами; исполнены промахов, анахронизмов, явного незнания многих предметов...» [1, с. 241]. Причину недостатков поэмы писатель усматривает в том, что поторопился с её печатанием. Данное заявление автора коррелирует с его просьбами не торопиться во всех делах, высказанными в «Завещании». В частности, в его первом пункте Гоголь напоминает, что был «свидетелем многих печальных событий от нашей неразумной торопливости» [1, с.176]. Примечательно, что критикуя других, Гоголь не щадил и себя, высказав критические замечания по поводу некоторых своих собственных качеств и произведений. В этом проявилось его стремление к самоусовершенствованию. Движение вверх по духовной «лестнице» не было для него пустым лозунгом. Критикуя себя, он хотел сделаться лучше.

В «Четырех письмах к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» тесно переплетается личное и общечеловеческое. Так, упомянув о том, что эпиграммы и даже насмешки над ним были ему нужны, Гоголь тут же подчёркивает положительное значение критики в целом, что позволяет ему перейти к раздумьям и выводам более общего, этического характера. «На дне души нашей, – пишет он, – столько таится всякого мелкого ничтожного самолюбия, щекотливого скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать <...>, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку» [1, с.241].

В первом письме содержатся интересные размышления Гоголя о читательском восприятии поэмы и о том, чего он ждал от читательской публики после появления своего труда. Писатель надеялся на то, что книга будет иметь огромный резонанс в обществе: «Авось кто-нибудь выберит меня хорошенько и в брани, в гневе, выскажет мне правду, которой добиваюсь» [1, с. 241]. Однако его надежды не оправдались. Возмущения автора по этому поводу переданы при помощи повторяющихся риторических вопросов: «И хоть бы одна душа подала голос!»; «И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышанье! Точно как бы вымерло все, как бы в самом деле обитают в России не живые, а мертвые души» [там же]. Весь пафос первого письма нацелен на то, что нужно знать Россию. «...Все мы очень плохо знаем Россию», – замечает он. А помочь писателю в приобретении таких знаний могут, по его мнению, только читатели. Гоголь подходит к проблеме читателя как такой, которая очень важна для творца: «У писателя только и есть один учитель – сами читатели», – заявляет он, подчёркивая таким образом важность цепочки «автор – читатель».

Второе письмо в рассматриваемом разделе «Выбранных мест...» посвящено истолкованию роли лирических отступлений в «Мертвых душах». Гоголь предвидел, что лирические отступления в его книге будут поняты не так, как ему этого хотелось.

В ответ на критику он как истинный максималист заявляет: «И поделом мне! Ни в коем случае не следовало выдавать сочинения, которое, хотя выкроено было недурно, но шито кое-как белыми нитками...» [1, с. 242]. При этом писатель даёт понять, что он согласен не со всеми замечаниями критиков. Объектом его раздумий становится одно из лирических размышлений в конце первого тома (в одиннадцатой главе), а именно – о России, на которое, как считал автор, больше всего напали журналисты, увидев в нём проявление гордости и «неслыханного хвастовства». Речь идет о том фрагменте гоголевской поэмы, который начинается словами «Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека...» В «Четырёх письмах...» писатель пытается разъяснить смысл данного лирического отступления, называя его «лирическим воззванием к самой России». Когда он пишет о России, о русской песне, забываешь, что читаешь публицистический очерк, написанный в эпистолярном стиле, потому что отдельные его фрагменты созданы по законам художественного текста, пронизаны художественным мировосприятием и подлинным лиризмом.

Сравним отрывок из «Мертвых душ», посвященный описанию Руси, с комментарием к нему Гоголя в «Выбранных местах...». В поэме, рисуя панораму русской равнины, автор с грустью отмечает: «Бедно, разбросанно и неприятно в тебе». Данная мысль повторяется еще раз, конкретизируется при помощи деталей: «Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города: ничто не обольстит и не очарует взора» [2, с.207]. Во втором фрагменте из «Четырёх писем» мотив пустынности и неприютности русских просторов варьируется, сохраняя при этом ритмику и стилистику художественного текста. Например: «Кому при взгляде на эти пустынные, доселе незаселенные и неприютные пространства не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому <...>. До сих пор остаются так же пустынно, грустны и безлюдны наши пространства, так же неприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашей крышей, но где-то остановились неприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным, родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией...» [1, с.243]. Сходство мотивов налицо. Так написать о России мог человек, побывавший за границей, который имел возможность сравнивать жизнь в европейских странах с жизнью в России, у которого душа болела оттого, что не все на его родине обстоит так, как ему хочется.

Общими в рассматриваемых фрагментах текста являются также размышления о русской песне. В «Мертвых душах», описав пустынные пространства России, автор задаёт риторический вопрос: «Но какая же непостижимая тайна влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает и хватает за сердце?» [2, с.207]. В «Четырёх письмах...» Гоголь также признаётся в своей любви к русской песне: «Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам» [1, с.243]. Писатель ищет причины «бесприютности» русских пространств и усматривает их не в политике правительства и не в плохих указах, а в тех, кто их выполняет. Подобные размышления позволяют ему перейти к одной из ключевых тем книги – к теме борьбы добра и зла, а также теме служения обществен-

ному благу. Постепенно в тексте письма появляются элементы проповеди, поучения, а также исповеди. Гоголь пишет: «...У редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он решился пожертвовать из-за него и честолюбием, и самолюбием, <...> и положил самому себе в непременный закон – служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других» [1, с.244]. Упрёки, адресованные другим, писатель распространяет и на себя, в частности, когда ставит вопрос о том, всё ли он сделал на своём писательском поприще: «Что из того, что в моем сердце обитало всегда желание добра и что единственно из-за него я взялся за перо? Как исполнил его?» [1, с.245]. Писателя волнует проблема восприятия поэмы «Мертвые души», в частности то, произвела ли она такое впечатление, какое должна была произвести. Затронутая в последней главе поэмы тема пустынных пространств России органически сочетается в его раздумьях с темой богатырства: «Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?» [2, с.207]. Данная мысль находит продолжение в «Четырёх письмах...» Гоголь отвечает на едкое замечание Н.А.Полевого, не называя имени критика, который в рецензии на поэму упрекал автора в хвастовстве, нескромности и самонадеянности, замечая с иронией: «Автор так мало хвастлив, так скромн, что восклицает наконец: «Русь! Что ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так и зачем, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи!..» [5, с. 131]. В немного изменённом тексте цитаты критик выделил курсивом слова «ты», «меня», которые свидетельствовали о непосредственном обращении писателя к Руси и которые, очевидно, показались ему слишком смелыми. Отвечая на несправедливые упрёки, Гоголь подчёркивает, что его обращение к России было произнесено им от души; он пишет о «богатырских силах» русского народа, о «великом поприще, которое, с его точки зрения, «только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство» [1, с.245].

В третьей части очерка, посвященного «Мертвым душам», чрезвычайно важно размышление автора о своих героях. Здесь Гоголь вводит читателя в свою творческую лабораторию, отвечая на вопрос своего корреспондента о том, почему герои его последних произведений, такие непривлекательные, далёкие от того, чтобы быть портретами действительных людей, всё-таки «неизвестно почему близки душе». Заметим, что здесь, как и в других частях гоголевской книги «Выбранные места...», важную роль играет концепт «душа». «...Герои мои потому близки душе, – признаётся автор, – что они из души: все мои последние сочинения – история моей собственной души» [1, с.246]. Представляется важным упоминание писателя в том, что главное его свойство («главное существо») понимал только Пушкин. Он усматривает свою отличительную особенность в умении «очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем» [1, с.246]. Примечательно, что эту же мысль Гоголь развивает в «Авторской исповеди», когда ссылается на высказывание Пушкина: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение» [1, с.413]. В «Четырёх письмах...», размышляя о своём даре изображать пошлость жизни, Гоголь подчёркивает, что это свойство принадлежит только ему. По сути, в данном фрагменте текста писатель указывает на важную особенность своего индивидуального стиля,

в частности, на один из его аспектов, именуемый теоретиками стилеобразующими факторами.

Без учёта авторского отношения к характерам трудно избежать субъективизма в их истолковании. Поэтому так важно гоголевское заявление в «Выбранных местах...» о том, что его герои в «Мертвых душах» «вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми» [1, с.246]. Следя за читательскими откликами на свою поэму, писатель пришёл к выводу, что публику испугала ничтожность и пошлость его героев. «Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеется надо мной», – признаётся автор [1, с.247]. Гоголь прибегает к самоанализу, отмечая, что у него не было какого-то одного сильного порока, «но было собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу», но Бог наделил его многосторонней природой, дал несколько хороших свойств, в том числе и такое, как «желание быть лучшим» [1, с.247-248]. В качестве примера реализации подобного желания писатель приводит рассказ о том, как он преследовал свои собственные недостатки, наделяя ими своих героев. До Гоголя такого самобичевания, «самообнажения» души русская литература ещё не знала.

Автор вводит читателя в свою творческую мастерскую, раскрывает особенности типизации в «Мертвых душах». Сегодня не потеряли своего значения его указания на то, что созданные им герои – «ничуть не портреты с ничтожных людей», что в них собраны черты тех, которые считают себя лучше других. Они остаются актуальными потому, что некоторые исследователи не оставляют попыток найти ответы на вопрос, кто же конкретно из знакомых Гоголя послужил прототипом того или иного персонажа в его поэме. Эти попытки представляются прямолинейными ещё и потому, что в гоголевских рассуждениях о процессе типизации речь идёт не о создании «копий» с портретов своих знакомых, а об использовании отдельных черт характера, что далеко не одно и то же. «Тут [то есть, в поэме. – В.М.], – пишет автор, обращаясь к своему адресату, – кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей, есть и твои» [1, с.249]. Однако, завершая исповедь, он просит своего корреспондента не отождествлять его с героями поэмы: «Не думай, <...> чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них» [1, с.250].

Итак, большая часть третьего письма посвящена идее нравственного усовершенствования и имеет исповедальный характер. Гоголь просит не торопить его с написанием второго тома поэмы и обращается к своему адресату с поучением: прочитав письмо, «взглянуть хорошенько на самого себя».

Из четырёх писем о «Мертвых душах», вошедших в «Выбранные места», первые три письма датированы Гоголем 1843 годом. Они непосредственно связаны с полемикой вокруг первого тома поэмы. Четвёртое письмо, написанное в 1846 году, посвящено авторским размышлениям о втором томе «Мертвых душ». Оно начинается с констатации факта, с неожиданного сообщения – «Затем сожжен второй том «Мертвых душ», что так было нужно» [1, с.251]. Такое заявление содержит множество подтекстовой информации. Интригующее начало четвёртого письма, как и многие фрагменты «Выбранных мест...», выстроено по законам художественного текста. Читатель должен домыслить, что Гоголь сжег написанные им главы второго тома поэмы летом 1845 года, находясь в состоянии душевного кризиса. Автор делает лишь слабые намёки на то, что представлял собой «пятнадцатилетний труд», где были, как он указывает,

его «лучшие помышления», а также то, что занимало его душу. Он переносит акцент на объяснение причин сожжения второго тома и благодарит Бога за то, что дал ему силу это сделать. Писатель цитирует слова апостола Павла из первого послания к коринфянам («Не оживет, аще не умрет»), придавая факту сожжения обобщённый смысл: «Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть» [1, с.251].

В подобных размышлениях Гоголя угадываются проблемы, которые волновали его в период работы над вторым томом. Во-первых, это проблема создания «прекрасных характеров, обнаруживающих благородство нашей природы». Вторая проблема для него, очевидно, заключалась в том, как изобразить эти прекрасные характеры, чтобы не впасть в гордость и хвастовство. При этом эстетическая задача перерастает в рассуждения писателя в проблему общественного значения: а пришло ли время для таких характеров? «...Бывает время, – пишет Гоголь, – когда даже вовсе не стоит говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же <...> путей и дорог к нему для всякого» [1, с.252]. Он протестует против того, чтобы из него создавали идеал писателя и видит своё предназначение не в том, чтобы произвести эпоху в литературной области: «...Дело мое – есть то, о котором должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое – *душа и прочное дело жизни*» [1, с.253]. Из контекста гоголевских размышлений о душе становится ясно, что он вкладывает в это слово. Для него «душа» – это не только внутренний психический мир человека, его переживания, чувства, но и то бессмертное нематериальное начало, которое соединяет человека с Богом.

Анализируя «Выбранные места из переписки с друзьями», П.В.Михед справедливо заметил, что «эстетическим центром книги становится человеческая и писательская судьба самого автора» [4, с.250]. Гоголевские «Четыре письма к разным лицам по поводу Мертвых душ» построены таким образом, что в центре авторских размышлений всё время находится труд писателя – поэма «Мертвые души», который он истолковывает, разъясняет, обращаясь к определённым адресатам. Но, на самом деле, круг этих адресатов значительно шире – это вся читательская публика. Проблематика анализируемого фрагмента также значительно шире. Она не ограничивается кругом эстетических проблем, в частности, проблемой понимания характеров, роли и специфики лирических отступлений, проблемой создания образов положительных героев. В фокусе авторского внимания все время находятся глобальные проблемы, связанные с душой человека, с проблемой его усовершенствования и самоусовершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 7 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Худож. лит., 1986. – Т.6 : Статьи / коммент. Ю. Манна. – 543 с.
2. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 7 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Худож. лит., 1985. – Т.5 : Мертвые души : [поэма / коммент. С.И.Машинского]. – 527 с.
3. *Гончаров С. А.* Гоголевский текст и «духовное око» / С. А. Гончаров // Гоголь в русской критике : [антология / сост. С. Г. Бочаров]. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – С. 663–679.
4. *Михед П. В.* Способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (заметки к новой эстетике писателя) / П. В. Михед // Кризис призму барокко : Статті різних років / П. В. Михед. – К. : Ніка-Центр, 2002. – С. 161–175.

5. Полевой Н. А. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя / Н. А. Полевой // Критика 40-х годов XIX века / [сост., вступит. статья и примеч. Л. И. Соболева]. – М. : ООО «Издательство «Олимп» : ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 108–132.

Валентина Мацапура

ПРИЁМ АВТОКОММЕНТАРИЯ В ОЧЕРКЕ ГОГОЛЯ «ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ ПО ПОВОДУ "МЕРТВЫХ ДУШ"»

В статье анализируется очерк Н.В.Гоголя «Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» как составная часть книги писателя «Выбранные места из переписки с друзьями». Автор статьи акцентирует внимание на специфике использования приёма автокомментирования в рассматриваемом тексте.

Ключевые слова: поэма, автор, автокомментарий, адресат, очерк, эпистолярный стиль.

Valentyina Matsapura

THE METHOD OF SELF-COMMENTARY IN GOGOL'S SKETCH «FOUR LETTERS TO DIFFERENT PERSONS ON THE OCCASION OF "THE DEAD SOULS"»

Gogol's Sketch «Four Letters To Different Persons On the Occasion of "The Dead Souls"» is analyzed in this article as a part of the writer's book «Selected Works From Correspondence With Friends». The author of the article focuses her attention on the peculiarities of the usage of the author's self-commentary method in the mentioned work.

Key words: poem, author, self-commentary, addressee, sketch, epistolary style.

Одержано 21.01.2010 р., рекомендовано до друку 25.03.2010 р.

УДК 821.161.1 – 31.09
ТЕТЯНА КУШНІРОВА
(Полтава)

ЖАНРОВО-СТИЛЬОВІ ОСОБЛИВОСТІ АВТОБІОГРАФІЧНОГО РОМАНУ І.БУНІНА «ЖИТТЯ АРСЕНЬЄВА»

Ключові слова: жанр, стиль, жанровий зміст, домінанта, хронотоп, літературна традиція.

Творчість російського письменника І.О.Буніна (1879-1953) привертала і продовжує привертати увагу дослідників, оскільки художня спадщина митця складна та неоднозначна. Провідні літературознавці ХХ століття (В.Афанасьєв, О.Волков, О.Михайлов, Т.Бонамі, А.Бабореко, В.Келдиш та ін.) усебічно розглядали художню спадщину митця, але ґрунтового аналізу жанрово-стильових особливостей ще не було здійснено в сучасному літературознавстві. Тож ми маємо на меті провести детальний аналіз роману І.Буніна «Життя Арсеньєва» та дослідити його жанрову природу, розглянути наративну структуру, виокремити жанрові домінанти та їх вплив на ідіостиль митця.

«Головна книга» І.Буніна «Життя Арсеньєва» (1927-1938) писалася у Франції, куди письменник, не прийнявши ідей революції, був змушений емігрувати в 1920 році.